

Вокруг нового американца

3 СЕНТЯБРЯ СЕРГЕЮ ДОВЛАТОВУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 65 ЛЕТ.

ИЗДАТЕЛИ ГОТОВЯТ ПЕРЕИЗДАНИЕ ЕГО СОЧИНЕНИЙ, А СЕМЬЯ — КНИГУ О ТОМ, КАКИМ ОН БЫЛ ГАЗЕТЧИКОМ

ОЧЕВИДЕЦ

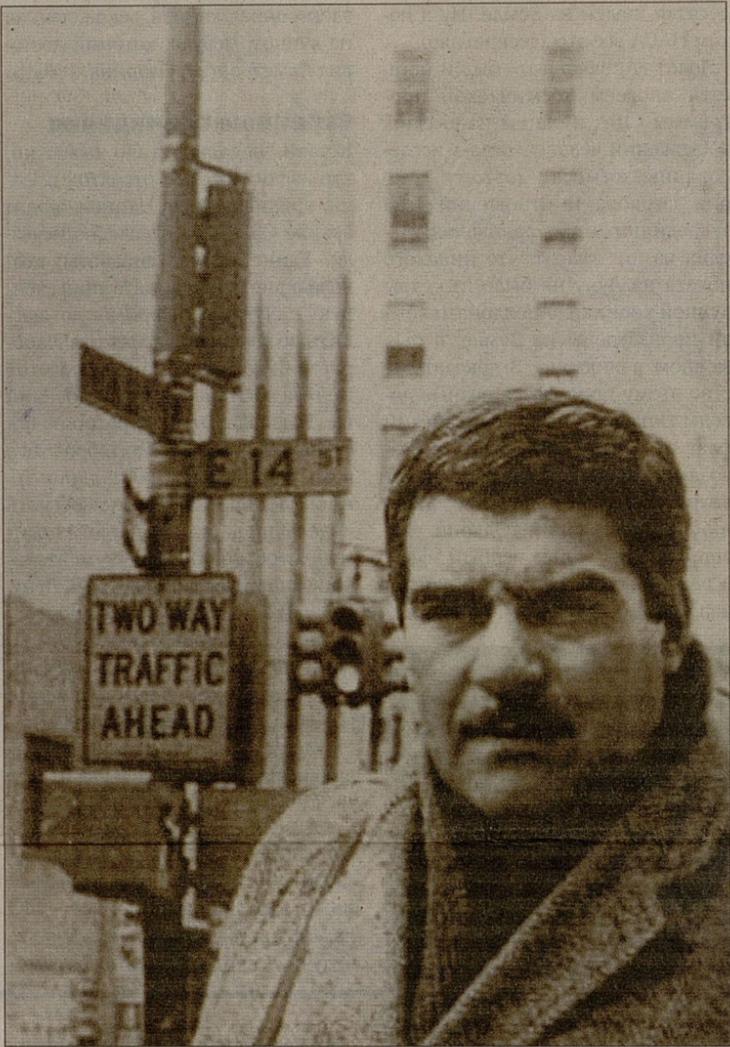
Александр ГЕНИС

Нью-Йорк

Между жизнью и книгой у Довлатова помещалась газета. Полжизни он провел в редакциях. С одной стороны, Довлатов никогда не помещался в газете, с другой — он понимал, что другого пути в официальную словесность не существовало, и принимал это как должное. В поисках заработка и приблизительного статуса Довлатов служил в самых причудливых изданиях. Судя по его рассказам, он был королем многотиражек. Довлатовское мастерство, которым он расчетливо делился с прессой (говорил, что когда пишет для газеты, у него меняется почерк), льстило редакторам.

При этом журналистику Сергей не любил. Он не дорожил чужим мнением так же, как и собственным. Цифры его раздражали, факты — особенно достоверные — тоже. Оставались только литературные детали, которые он обкатывал на полигоне газетной полосы.

Когда Довлатов появился в Нью-Йорке, эмигрантскую прессу исчерпывало допотопное «Новое русское слово». Разобравшись в ситуации, Сергей погрузился в газетную жизнь, вскоре став главным редактором «Нового американца». Первая редакция «Нового американца» размещалась в комнате размером со шкаф, но в самом дорогом месте Нью-Йорка, на Тайм-сквер, 1. Трудно заниматься бизнесом, руководствуясь исключительно рассказами О. Генри. Из-за нехватки места летучки проводились в уборной. Когда появились дамы, пришлось переехать. И потом газета все время моталась в поисках экономии, нам катастрофически не хватало денег. На шестнадцать штатных сотрудников приходилась одна человеческая зарплата. Закуска на редакционных банкетах кончалась до того, как откупоривали бутылки. Сергей упорно старался исправить положение. Он приводил жуликоватых менеджеров, донимал администрацию попреками и вникал в бухгалтерские расчеты. Не жалел времени на деловые — да и бездельные — переговоры. Зараженные нашим энтузиазмом, вокруг газеты под видом бизнесменов вились неудавшиеся художники. Они всегда говорили от лица народа и лучше нас знали, что нам делать. О деньгах они говорили свысока. Один, например, подтягивая тренировочные штаны, заметил, что его интересуют только суммы с девятью нулями. «Миллиард?» — ахнули мы. Бизнесмен замаялся, и не зря. Когда его посадили, в деле фигурировали куда более скромные цифры. Хозяева уважали наш труд, но не настоль-

Ни в литературе, ни в журналистике Довлатов не был знаком с понятием «трафик»

ко, чтобы его оплачивать. Корыстолюбия им хватало только на то, чтобы нас обсчитывать.

Но в этой эфемерности существования для Довлатова заключался тонкий соблазн. Газета была дорога ему «типичной для редакции атмосферой с ее напряженным, лихорадочным бесплодием». Есть некое благородство в виртуозной отделке песчаного замка. Скоротечность газетной жизни придает ей невиданную интенсивность. Здесь с болезненной стремительностью заводятся романы, рождаются и умирают репутации, заключаются союзы, плетутся интриги. Постоянство перемен, неумолчный гул хаоса — в газете Довлатов находил все, из чего сделана его проза. Поэтому и в «Новом американце» он вел себя не как редактор, а как режиссер. Сергей следил за игрой ущемленных им амбиций, сочувствовал оскорбленным им самолюбиям, вставал на защиту поправленных им же прав. Там, где другие орудовали ломом, он применял тонкий скальпель. Из-за этого Сергею не было цены в газетных баталиях. Так, в период вражды «Нового американца» с другим нью-йоркским еженедельником, «Новой газетой», Сергей написал редакторскую колонку то ли о душевности, то ли о бездушии американцев. В ней рассказывалось, как в метро стало тошнить женщину и он протянул ей «Новую

газету». Вскоре Сергей стал печататься в обиженном им органе. Поэтому когда дело дошло до отдельного издания «Колонок», вместо «Новой газеты» в этом эпизоде фигурирует просто «свежая газета».

В «Новом американце» Довлатов установил конституционную монархию либерального образца. Он всячески потворствовал свободе и демократии, то есть мы все время писали что-то друг против друга. Из самых ярких случаев — история с захватом заложников в Иране, которую Довлатов очень переживал. Обсуждался вопрос — не захватить ли в заложники иранских студентов, учащих в Америке, чтобы держать их до тех пор, пока не выпустят заложников американских. Конечно, захватить, их еще и расстрелять надо, заявил Довлатов. И мы это напечатали, и никому не помешало, что он был главным редактором.

Он упивался демократическими формулами и на летучках брал слово последним. Он с самого начала заявил, что содержание газеты его не интересует, в политике он не разбирается и разбираться не хочет — какая линия? куда линия? — поэтому единственное, что его интересует, это язык и стиль. Каждая планерка заканчивалась тем, что он брал газету и говорил: наверное, все, что здесь сказано, замечательно, но вот тут написано — пах, а надо пахнуть.

Нехорошо. И так он разбирал весь номер, очень точно раздавая оценки, каждый раз привязываясь к одному-единственному слову. По традиции лучший материал номера получал премию — самую большую бутылку самого дешевого вина, которое мы тут же распивали.

Самое интересное, что чистота языка, ритмическое разнообразие, органическая интонация, на которых настаивал Довлатов, оказались главным, что принесло любовь читателя. «Новый американец», не сказав ничего нового, говорил иначе. Он завоевал любовь потому, что обращался к читателю по-дружески, на хорошем русском языке. Газета страшно идиотское оцепенение, которое охватывало каждого ввиду печатной страницы, где Брежнев именовался «кремлевским старцем». Сергей с его безошибочным литературным вкусом вел газету по пути завещанного Ломоносовым «среднего штиля». Избегая тупого официоза и вульгарной фамильярности, под нажимом Довла-

в начале афганской войны. Нас с Вайлем угораздило попасть в миллиардную, где мы быстро выучились американским правилам. Когда же мы предложили сыграть по своим, один рослый парень ядовито бросил: «По вашим правилам будете играть в Афганистане».

В каждый газетный текст Сергей вставлял друзей и знакомых. Он пытался интимизировать эмиграцию, целенаправленно создавая миф Третьей волны как большой семьи. В заведенной им рубрике «Случаи» он придумывал истории, где главным героем обязательно был эмигрант.

Поэтому газету любили все, к кому она обращалась. На годовщину «Нового американца» мы сняли ресторан, зал на 800 мест. И в качестве художественной части решили провести планерку. Люди выпивали-закусывали, а мы на сцене обсуждали, как будет выглядеть следующий номер. Вместо 800 человек набилась тысяча, и можно было продать билетов еще столько

Здесь с болезненной стремительностью заводятся романы, рождаются и умирают репутации, плетутся интриги. Постоянство перемен, неумолчный гул хаоса — в газете Довлатов находил все, из чего сделана его проза

това все тут писали на человеческом языке приятельского общения.

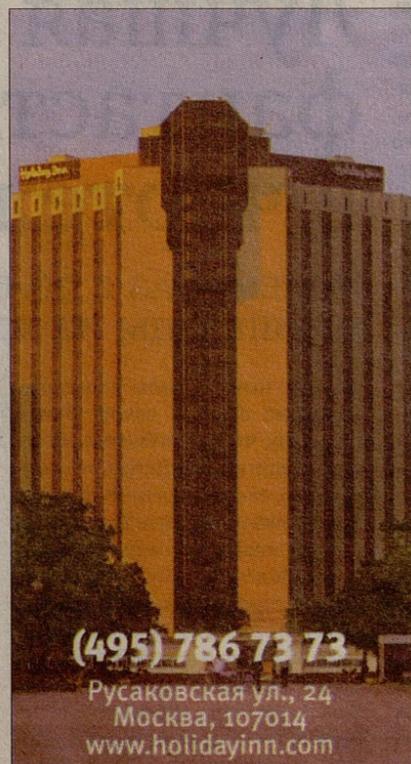
В газете Довлатов умел все, кроме кроссвордов. Он владел любыми жанрами — от проблемного очерка до подписи под снимками, от фальшивых писем в редакцию до лирической зарисовки. Особенно гордился своими рисунками и требовал каждый раз поставить: «Рис. Сергея Довлатова». И действительно, в газете было напечатано множество изобретательных карикатур. Так, под заголовком «Рой Медведев» он изобразил мишек, летающих вокруг кремлевской башни.

Общаясь с газетой, как со своим черновиком, Довлатов часто выдумывал себе собеседника, выдавая за репортаж набросок рассказа. В иные времена редко выходящий из дома Сергей пользовался чужим опытом. Например, он пересказал эпизод, случившийся

же. Наш издатель сказал, что, может, нам не издавать газету, а показывать, как мы это делаем?

У Марка Твена был персонаж, который коллекционировал эхо. Наши постоянно сменявшиеся издатели пытались им торговать. Но всякая духовная ценность иллюзорна. Она только притворяется товаром. Слова бесценны, и принадлежат они, как эхо, всем, до кого доносятся.

Когда, сочиняя свою книгу «Довлатов и окрестности», я внимательно изучил подшивку нашей газеты, мне показалось, что эта пухлая грудка бумаги была еще одной записной книжкой Сергея. Может быть, потому он считал этот быстро прошедший год лучшим в своей жизни, что разделенное счастье удачного коллективного труда рождало резонанс, возносящий его к прозе. ■

**Holiday Inn
Moscow Sokolniki**

523 просторные комнаты в классическом стиле

14 конференц-залов вместимостью от 10 до 800 человек

3 изысканных ресторана: элитные вина, вид на Москву

Охраняемые парковка и подземный гараж

Рядом с метро

(495) 786 73 73

Русаковская ул., 24
Москва, 107014
www.holidayinn.com